

Глава 3

Лю И принял кубок как спасительную соломинку и осушил его залпом. Почти сразу в глазах потемнело, навалилась непреодолимая сонливость.

«Если бы родители направляли свою изобретательность на благие дела, — с тоской подумал он перед тем, как окончательно лишиться чувств, — мне вообще не о чем было бы беспокоиться в этой жизни».

Раздался глухой стук: Лю И накренился и приложился лбом о деревянную стенку повозки. Лю Юэ виновато покосилась на брата. Убедившись, что тот спит мертвым сном, она со вздохом подложила ему под голову мягкий дорожный узел.

Мерный, непрекращающийся перестук копыт сливался в монотонный гул. Лошади шли ходко, без ржания. Сквозь тяжелую дремоту Лю И попытался перевернуться на другой бок, но внезапно почувствовал, как внутри все сжалось от дурного предчувствия.

Запястья резало чем-то шершавым — руки стягивала жесткая пеньковая веревка. Лю И нахмурился, попытался шевельнуть ногами — тщетно.

«Неужели меня похитили?» — мелькнуло в туманном сознании.

Он сделал несколько глубоких вдохов, заставляя разум проясниться. Ошметки воспоминаний постепенно складывались в единую картину, и тут до него дошло: его обвели вокруг пальца собственные родители.

Заметив, что он приоткрыл веки, Лю Юэ робко позвала:

— Брат...

— Развяжи меня, — Лю И закашлялся, горло саднило, слова давались с трудом.

«И этот парень действительно их родной сын? — Лю И мысленно застонал от бессилия. — Неужели нельзя было помягче? Сколько же сонного зелья они в меня влили, раз меня до сих пор так мотает?»

— Матушка строго-настрого наказала не развязывать тебя, — Лю Юэ бережно помогла ему сесть. В ее голосе сквозило искреннее раскаяние, но пальцы даже не прикоснулись к узлам. — Братец, потерпи немного.

Лю И прекрасно знал характер сестры: если уж Сяо Юэ что-то вбила себе в голову, переубедить ее было невозможно. К тому же безумно болело горло, и спорить не хотелось.

В худшем случае родители везли их прочь, спасая от брака. Судя по неверному свету, наступали сумерки. Если развернуться прямо сейчас и мчаться всю ночь, они вернутся в столицу к утру, и торжество, назначенное на послезавтра, не сорвется.

Немного успокоившись, он сипло спросил:

— Который час?

Лю Юэ бросила короткий взгляд в окно и едва слышно пробормотала:

— Только-только прошел час Тигра.

Час Тигра — это предрассветное время, между тремя и пятью часами утра. Значит, сейчас около пяти? Выходит, они в пути всего пару часов? Лю И готов был окончательно перевести дух, как вдруг его осенила страшная мысль, и он нахмурился.

Словно в подтверждение его худших догадок, мгла за окном начала рассеиваться, уступая место утренней заре. Лю И прищурился, силясь разглядеть дорогу сквозь щель в занавеске:

— Какого дня, Сяо Юэ? Какого дня этот рассвет?

Сестра лишь виновато опустила голову, не проронив ни слова.

— Сяо Юэ, где отец и матушка?

Она упрямо молчала.

Холодный пот прошиб Лю И. Все оказалось гораздо страшнее, чем он думал. Прежняя догадка была лишь цветочками. Самый жуткий расклад: родители тайно вывезли их из столицы, а сами остались в городе.

Бегство высокопоставленного чиновника, охраняющего рубежи империи, — это измена, карающаяся истреблением девяти поколений рода. От такого наказания не укрыться даже на краю света. Но если сбегут только дети, сорвав нежеланную свадьбу, вина окажется куда меньше.

Генерал Лю прекрасно это понимал. Он решил пожертвовать собой и супругой, чтобы спасти сына и дочь. Но что ждет оставшихся родителей? Опала, лишение титулов... или сырая темница и плаха?

Горло сжало спазмом, голос Лю И зазвенел от напряжения:

— Сяо Юэ, развяжи меня. Быстрее! Если повернем сейчас, мы еще успеем все исправить.

— Нельзя, — упрямо отрезала девушка, хотя в глазах ее блеснули слезы. — Матушка велела отпустить тебя только сегодня вечером.

Сегодня на закате — священный час для свадебного поезда. Стоит пропустить этот срок, и пути назад не будет. Лю И понял: матушка решила идти до конца.

Он тяжело вздохнул и отвернулся к стене повозки, чувствуя, как к глазам подступает горячая влага. Глядя на поникшие плечи брата, Лю Юэ тоже шмыгнула носом, с трудом сдерживая слезы.

Побег со свадьбы легко затеять на словах, но на деле это тяжкое преступление. Клан Лю и без того колол глаза завистникам — враги только и ждали повода для удара, ловя каждое движение семьи.

Прошло немало времени, прежде чем Лю И тихо произнес:

— Сяо Юэ, выйди к кучеру. Мне нужно побыть одному и подумать.

Поскольку в жилах мужчин и женщин рода Лю текла кровь потомственных воинов, Лю Юэ с малых лет уверенно держалась в седле и не отличалась излишней подозрительностью. Не почуяв подвоха, она послушно откинула полог и перебралась на козлы.

На передке повозки сидел юноша в добротных шелках. Увидев девушку, он вполоборота повернулся к ней и шепотом спросил:

— Ну как там наш шурин?

— Какой он тебе шурин, глупый! Помолчи лучше, — беззлобно шикнула Лю Юэ, устало вздохнув.

Юноша лишь добродушно усмехнулся и тихо буркнул что-то в ответ.

Прислушавшись к их тихому воркованию снаружи, Лю И убедился, что они увлечены беседой. Действовать нужно было немедленно. Он осторожно, стараясь не шуметь путами, подполз к корзинке с рукоделием.

В этот миг он благословил упрямство сестры. Пусть швея из нее была никудышная, но правила приличия обязывали благородную девицу всегда держать при себе набор для вышивания.

Нащупав маленькие ножницы, Лю И поудобнее перехватил их связанными пальцами и принялся терпеливо перетирать грубые волокна веревки.

Веревка поддавалась лишь спустя четверть часа. Лю И облегченно выдохнул, размял затекшие

кисти и быстро распутал узлы на ногах. Откинув занавеску с противоположной стороны, он бесшумно соскользнул на землю.

Экипаж качнулся от резкого перепада веса.

— Брат! — испуганно вскрикнула Лю Юэ и рванулась внутрь повозки.

Юноша среагировал мгновенно: натянул поводья, осаживая лошадей. Лошади огласили дорогу звонким ржанием, и летевший во весь опор экипаж замер как вкопанный.

Этого момента Лю И и ждал. Едва колеса перестали вращаться, он одним махом взлетел на передок и мертвой хваткой вцепился в запястье юноши.

— Если хочешь взять мою сестру в жены, помалкивай и делай, что велю, — процедил он сквозь зубы.

— Ваше Высочество, вы просматриваете этот свиток уже в пятый раз, — негромко посетовал Сяосы.

Ци Цзянь отложил свадебную опись и устало потер затекшую шею. Слуга потянулся было к бумагам, чтобы убрать их со стола, но наследный принц наградил его таким ледяным взглядом, что тот мгновенно отпрянул.

— Сушеные грибы и рыбные пузыри вычеркни, — Ци Цзянь постучал длинным изящным пальцем по строчкам. — А вот вяленых трепангов и морских гребешков добавь еще по восемь мер. — Он с нажимом указал на эти названия.

Слуга поспешно кивнул, соглашаясь со всеми правками.

— Бронзовый светильник в виде павлина готов? — спросил Ци Цзянь.

— Готов, Ваше Высочество, все исполнено в лучшем виде, — закивал Сяосы. — Взяли чистейшую медь, полтора десятка умельцев трудились без сна и отдыха несколько суток подряд. Вчера к полуночи закончили.

— И как работа?

— Изумительная тонкость! Каждое перышко на хвосте прорисовано до мельчайшей черточки. Сияет чистым золотом — залюбуешься!

Ци Цзянь удовлетворенно хмыкнул и вновь углубился в чтение описи.

В ритуальных подношениях вроде сушеных зизифусов, лонганов и жертвенного скота он смыслил мало. Приходилось полагаться лишь на детские воспоминания: то, что нравилось ему самому, он велел доложить в сундуки щедрее, а ненужное безжалостно вычеркивал. Когда фантазия иссякла, он распорядился добавить к дарам пару коробок любимых Лю И лакомств — нежных рулетов с благоуханием османтуса.

Заметив, что хозяин наконец свернул свиток, Сяосы облегченно перевел дух. Однако Ци Цзянь прервал его радость новым вопросом, прозвучавшим неожиданно сурово:

— Свадебное покрывало готово?

— Все сделано в точности по вашему указу, господин! — залебезил слуга. — Ярко-красная ткань с сычуаньской вышивкой тончайшей выделки, расшитая золотыми нитями в виде цветов альбиции. По краям пустили подвески из белого нефрита — краше не сыскать во всей столице.

— Подвески выточили из той самой нефритовой дощечки, что я отдал? — прищурился Ци Цзянь.

— Из нее самой. Ювелир еще сокрушался, дескать, этот камень чист, как застывший жир, подобная редкость раз в жизни встречается. Мол, кощунство — такую ценность на бусины пускать...

— Значит, и ты считаешь, что я зря извел драгоценность? — голос Ци Цзяня сделался опасно тихим.

Сяосы, уловив перемену в настроении хозяина, замотал головой так, что едва не потерял шапку:

— Что вы, Ваше Высочество! Для вашего бракосочетания ничего не жалко! Да и разве может быть расточительством то, что предназначается молодому господину Лю?

Ци Цзянь высокомерно хмыкнул, хотя тень гнева сошла с его лица.

— Все это делается исключительно ради чести княжеского дома Ци, а вовсе не ради Лю Ючэня, — сухо обронил он.

Сяосы усердно закивал, поддакивая господину.

— Ступай, — Ци Цзянь небрежно махнул рукой.

Слуга сгреб бумаги со стола и поспешил к выходу, радуясь, что легко отделался. Но не успел он переступить порог, как ему в спину долетело тихое:

— И принеси покрывало. Я хочу взглянуть на него сам.

Лю И и помыслить не мог, что его простодушные родители, славившиеся житейской беспечностью, проявят такую дьявольскую изобретательность в заговоре против собственного сына.

Сперва они завели задушевную беседу, подливая вина и расспрашивая о сердечных делах, чтобы усыпить его бдительность. А затем и вовсе подмешали в кубок убойную дозу сонного зелья. В итоге он проспал без малого полтора дня. За это время повозка успела миновать пригородные заставы и теперь приближалась к военным лагерям Синтая.

Лю И взглянул на солнце, клонившееся к западу.

— Гони быстрее, мы катастрофически не успеваем!

— Побойтесь богов, куда быстрее? — взмолился Ши Лэй. — Лошади уже на пределе, загнанный скот падет прямо в упряжке!

Одолеть за несколько часов путь, на который ушло полтора дня, казалось невозможным. Но если Лю И не переступит порог родного дома до заката, случится непоправимое.

Он на мгновение задумался, а затем крепко сжал плечо юноши:

— Ши Лэй, вы с Сяо Юэ выросли вместе и давно любите друг друга. Сейчас я вверяю ее заботам твоего сердца. Обещай мне: ты вернешь ее домой целой и невредимой?

Тот сглотнул вставший в горле ком и растерянно кивнул.

— Я спросил: да или нет?! — нажал Лю И.

Ши Лэй снова кивнул, его уши вспыхнули пунцовым румянцем.

— Отвечай, сможешь?! — голос Лю И сорвался на крик.

— Смогу! — во весь голос выкрикнул юноша.

— Вот и славно, — Лю И одобрительно хлопнул его по плечу. Он перехватил поводья и резко осадил коней. Едва повозка замерла, он перерезал упряжь одного из скакунов и легко взлетел на его неоседланную спину.

— Брат! Ты что задумал?! — Лю Юэ, чьи руки все еще были связаны за спиной, беспомощно забила у входа в кибитку, не в силах помешать ему.

Лю И помедлил, а затем направил коня поближе к повозке.

— Сяо Юэ, срыв императорского брака — это плаха для всего нашего рода. Неужели ты хочешь, чтобы отец и матушка закончили свои дни на плахе или сгнили в сыром каземате?

Девушка закусила губу, слезы градом покатались по ее щекам:

— Но братец... из-за этого позора твоя жизнь будет сгублена!

— Сгубить мою жизнь без моего на то согласия не под силу ни одной живой душе, — Лю И мягко улыбнулся.

Разве мог он винить родителей за этот безрассудный шаг? Они ведь действовали из любви.

В своей прежней жизни Лю И рос сиротой, и слово «семья» оставалось для него лишь блеклым понятием со страниц книг. Но обретя в этом мире любящих родителей и очаровательную сестру, он наконец познал тепло родного очага.

Ради них он без колебаний бросился бы в самое пекло. А тут... всего лишь брак с другим мужчиной. Да, крест на карьере чиновника, да, пожизненное клеймо «мужней жены» при чужом доме, но разве это соизмеримо с жизнями тех, кто стал ему дорог? Никакой обиды или жалости к себе он не испытывал.

— Ну же, не плачь, — Лю И перегнулся через луку седла и быстро рассек пути на руках сестры. Ласково потрепав ее по макушке, он резко сжал бока коня ногами.

Жеребец всхрапнул от неожиданности и рванул вперед, взрывая копытами дорожную пыль. Лю И крепче перехватил поводья и пригнулся к шее скакуна. Быстрее! Каждое мгновение на счету!

Придорожные деревья сливались в сплошную зеленую полосу, усеянную первыми весенними почками. Почти пять лет назад, такой же звонкой весной, он точно так же летел во весь опор по этому самому тракту.

Но силы коня были не безграничны: шаг скакуна становился тяжелее, размытая зелень по сторонам дороги распалась на отдельные стволы и ветви. Лю И бросил тревожный взгляд на небо и сильнее сжал поводья.

Полдень давно миновал, светило неумолимо катилось к закату. До столицы оставалось больше половины пути, а конь уже едва переставлял ноги. С трудом дотянув до ближайшей почтовой станции, Лю И соскочил на землю и бросился напрямик к конюшням.

Смотритель манежа, некогда служивший под началом генерала Лю, только разинул рот, чтобы поприветствовать молодого господина, как ему в руки прилетел увесистый кошель с серебром.

Не говоря ни слова, Лю И взлетел на спину первого попавшегося чистокровного скакуна прямо в стойле. От резкого рывка поводьев конь взвился на дыбы и мощным прыжком перемахнул через невысокое ограждение.

Опешивший зритель проводил взглядом лишь клубы пыли на горизонте. Почесав затылок, он уставился на кошель в руках.

Даже в былые времена, когда на поле боя молодой господин Лю получал тяжелые раны, он никогда не терял самообладания, умудряясь шутить сквозь боль. Что же за беда стряслась сегодня, раз он мчится сломя голову, забыв обо всем на свете?

Свежий скакун летел стрелой. Спустя три часа бешеной скачки впереди наконец показались очертания столичных предместий.

За все время пути Лю И не сделал ни глотка воды, не съел ни крошки риса, боясь потерять даже песчинку драгоценного времени.

Поняв, что цель близка, он шумно выдохнул и, хрипло прикрикнув на коня, пустил его в последний галоп.

Когда копыта коня застучали по мостовой столичного пригорода, солнце уже клонилось к горизонту. Путь через городские кварталы отнял еще около часа. Подъехав наконец к улице, где располагалась усадьба семьи Лю, Лю И застыл: всю дорогу заполонила нескончаемая свадебная процессия княжеского дома Ци.

Длинная вереница праздничных носилок и сундуков, украшенных алыми иероглифами «двойного счастья», казалась бесконечной. В лучах заходящего солнца золотое шитье на красном шелке полыхало ослепительным пожаром.

Сполз с мыльной спины жеребца, Лю И на неслушающихся ногах побрел сквозь толпу зевак вдоль нарядных рядов и остановился у главных ворот отчего дома.

Благоприятный час уходил.

Раздался оглушительный рокот церемониальных барабанов. Ци Цзянь, сидевший на коне во главе процессии, опустил взгляд на свадебное покрывало, лежавшее на подносе перед ним. Его пальцы скользнули по золотым цветам альбиции и замерли на тяжелых бусинах из белого нефрита.

Губы наследного принца изогнулись в холодной, издевательской усмешке. Он потянул за шелковую тесьму, стягивая расшитое покрывало с лакового блюда, приподнял его над мостовой и разжал пальцы, позволяя драгоценной ткани упасть в дорожную пыль.

Лю И оцепенел, глядя на эту жестокую улыбку. Ноги словно налились свинцом, а золотые цветы на покрывале ослепительно сверкнули в прощальных лучах солнца, заставив глаза болезненно заслезиться. Он судорожно хватал ртом воздух, но имя Ци Цзяня так и застряло в пересохшем горле.

Раздался нежный, хрустальный звон нефритовых бусин, ударившихся друг о друга. Этот звук вывел Лю И из оцепенения. Он рванулся вперед и в отчаянном прыжке поймал летящий к земле шелк за мгновение до того, как смолк последний удар барабана, и одним движением набросил свадебный покров себе на голову.

<http://bllate.org/book/20072/2001739>